

Омытый человеческой нежностью...

Спектакль «Король Лир» в Театре имени Моссовета

Ромен Роллан в одном из своих очерков о Шекспире сказал, что его произведения «омыты великой человеческой нежностью».

Неприятие мира лицемерия и эгоизма и активное сочувствие людям цельным, честным и благородным, стремление всегда видеть в человеке человека — в этом, прежде всего, величие Шекспира.

Слова Р. Роллана особенно применимы к «Королю Лиру». Истоки «нежности» лежат в самой драматической коллизии пьесы — столкновении отца с неблагодарными дочерьми. Но, разумеется, «человеческая нежность» Шекспира как поэта и гражданина — это не только сострадание к поруганным отцовским чувствам. Король Британии стал жалким полусумасшедшим, лишился всего: дочерей, власти, владений, слуг и подданных; он не разглядел свое временно, что его трон окружают дикие звери, а не люди. Трагедия Лира — это трагедия человека, поздно познавшего гнусную сущность мира, в котором он живет. Умение режиссера вскрыть в шекспировском спектакле глубокую гуманистическую основу и есть современное прочтение Шекспира.

...В высокой дворцовой палате звучит торжественная музыка; придворные церемонно выстраиваются вокруг трона. Кажется, сейчас мерной поступью прошествует король Британии. Но музыка затихает, и, говоря что-то на ходу, весело озабоченный, входит Лир. У него, видимо, хорошее настроение: он улыбается.

Так начинается спектакль «Король Лир» в Театре имени Моссовета (постановка заслуженного деятеля искусств РСФСР И. Анисимовой-Вульф). Предлагая зрителю прочувствовать контраст между торжественностью придворного церемониала и очень простым, житейски оправданным поведением Лира, режиссер первой же сценой как бы делает заявку на решение всего спектакля, подчеркнуто выделяя человеческие свойства Лира, скрытые блеском и мишурой королевского положения.

Внешние простота и сдержанность при огромном внутреннем напряжении, внимание к значительным мелочам — таковы отличительные черты спектакля «Король Лир» (за исключением некоторых сцен, о которых мы скажем ниже).

В первую очередь это касается характера короля Лира, каким он предстает в исполнении народного артиста СССР Н. Мордвинова. Лир — Мордвинов — «в каждом дюйме король». Одновременно он прост в лучшем смысле слова. Высокую поэтичность характера своего героя актер передает очень мягко, всячески избегая декламации и риторики. В те моменты, когда Лир становится многословен (в моменты прозрения), актер настолько осознанно произносит: каждое слово откровения, что веришь, будто именно сейчас, на этих глазах, рождаются эти мысли. Внезапные переходы от мрачности к безудержному веселью, от растерянности к королевской заносчивости образуют красочный каскад чувств и мыслей, и Лир предстает удивительно многогранным человеком и, что самое интересное, живым человеком — со смешными привычками, недостатками и слабостями. В спектакле ясно ощущается стремление актера и режиссера бережно сохранить разнообразие, глубину и живописную яркость шекспировского характера.

То же самое можно сказать об исполнении роли шута актером А. Баранцевым. Фигура шута, традиционная в английской литературе, приобретает в творчестве Шекспира особую глубину. Шут оказывается мудрецом, который видит мир таким, каков он есть, но вынужден скрываться под маской дурака или юродивого, чтобы безнаказанно говорить правду. Шут прямого участия в действии не принимает, да и не может принимать: ведь он только шут. Его злые выпады против короля и придворных часто остаются без внимания, колкие остроты теряются.

А. Баранцев находит этому вели-

колеппное пластическое выражение: его шут стелется по сцене, прыгает, отскакивает, когда к нему обращаются; среди тяжеловесных фигур придворных он мечется почти незримой тенью, нанося уколы. Он изыщен и музыкален; его гибкие, пружинистые движения как бы отражают его чувства, напряжение нервов; он страстно болеет за короля. Любовь к Лиру, к правде и справедливости, поруганной и оскорбленной, — вот та глубоко человеческая основа, на которой построено исполнение А. Баранцевым роли шута. При всей его видимой беззаботности чувствуется, что он натянут, как струна, вот-вот готовая лопнуть. Поэтому смерть шута воспринимается столь же трагически, как и смерть Лира. Оба по-своему величественны: один — в своей мировой скорби, другой — в беззаветной, самоотверженной преданности. Лир и шут гармонично дополняют друг друга, взаимоотношения между ними разработаны с ювелирной тщательностью.

Стремление театра как можно глубже понять драматургию Шекспира, проникнуться духом его трагедии приводит иногда к интересным открытиям.

Мы уже упоминали о первом появлении Лира. Вот он усаживается на трон. Перед ним — карта его владений, разделенная на три равные части. Он уже принял решение поровну разделить королевство между дочерьми и сейчас хочет объявить об этом своим подданным. Лир начинает говорить, торжественно чеканя слова, и вдруг раздражается хохотом. Ему пришла в голову озорная мысль: прежде, чем отдать дочерям их владения, спросить, какая из них любит его больше. Над объяснением логики поведения Лира в этой сцене бились многие исследователи. В самом деле, почему здравомыслящий король делит королевство таким нелепым способом? И не могли отыскать никакого разрешения, кроме того, что человек очень часто действует против всякой логики, и в этом тоже есть своя логика.

В упомянутом же эпизоде актер и режиссер смело предлагают собственное решение загадки. Лиру — Н. Мордвинову эта мысль приходит сейчас, сию минуту, она — следствие его королевского самодурства и высокомерия: ведь он не сомневается в ответах дочерей, не сомневается даже в том, как именно они выкажут свои чувства.

Но есть в спектакле сцены и характеры, сделанные словно холодной рукой. Батальные эпизоды примитивны и театральны в самом плохом смысле; плохо двигающиеся и фехтующие актеры беспомощно размахивают откровенно бутафорскими мечами. А рядом — другая крайность. Герцог Корнуэлл ослепляет Глостера на глазах зрителей, и после этого — совсем как триста лет назад — старик появляется на авансцене с кровавыми пятнами вместо глаз. Натуралистичность этой сцены усугубляется совершенно бессодержательной, хотя и эффектной игрой К. Михайлова в роли Глостера. Режиссер, сумевший увидеть Шекспира свежим взглядом, не только имел право, но и был обязан модернизировать те сцены, которые безусловно противоречат эстетическим принципам современного театра.

Однако не эти, в общем не столь существенные сцены решают судьбу постановки, они — только наглядный пример того, насколько необходимым активный, творческий подход к классике вообще и Шекспиру в особенности. Шекспиру нужен очень чуткий постановщик, умеющий выявить психологические основы поведения героев, нюансы человеческой логики, тонкий подтекст, которые неизменно присутствуют у Шекспира, но скрыты гиперболичесностью страстей, кажущейся прямолинейностью характеров.

Коллектив Театра имени Моссовета понял это и добился заслуженного успеха.

Б. ДОВЛАТОВ
К. ПАЛЕЧЕК